

ИМПЕРСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ КАК СИСТЕМА ЦЕННОСТЕЙ

Аннотация. Рассматриваются проблемы имперской идеологии как системы ценностей. Основные аксиологические концепции отечественных и зарубежных авторов используются как методологическая основа для анализа британской имперской идеологии как средства социальной консолидации и формирования мировоззрения. Доказывается, что имперская идеология, соответствующая национальной системе ценностей, играет позитивную роль средства стабилизации межэтнических отношений и остановки роста ксенофобии и экстремизма.

Ключевые слова: империя, идеология, ценности, Великобритания, метрополия, колонии, нация.

Abstract. In this article considered the problems of imperial ideology as system of values. The main axiological conceptions of home and foreign authors used as methodological base for analyze of the British imperial ideology and as method of social consolidation and formation of world outlook. Author argues what imperial ideology in accordance with national system of values played positive role of the instrument stabilization of interethnic relations and finishing growth of the frames xenophobia and extremism.

Keywords: empire, ideology, values, Great Britain, metropol, colonies, nation.

В историю человечества империи вошли в качестве государств, оказавших колоссальное влияние на развитие экономики, политики, культуры и всех других сфер человеческой деятельности. Как древние, так и современные империи, начиная от Вавилона и Рима и заканчивая Лондоном и Петербургом, объединяли самые разные народы и организовывали огромные пространства различных континентов в единые целостные системы. При всех издержках военной экспансии и силового подавления локальных этносов империи выступали инструментами развития человечества как единой целостности.

Все империи развивались по «параболе Таагеперы», т.е. проходили циклические фазы подъема, расцвета, упадка и гибели. В основе такой динамики развития имперских государств лежала внутренняя противоречивость и асимметричность структуры отношений центра и периферии. В результате имперской территориальной экспансии формировались модели организации экономического, политического и социокультурного пространств, основанные как на единстве, так и на противопоставлении имперского военно-бюрократического центра и колониальной периферии. С одной стороны, центр создавал систему, обеспечивающую неэквивалентный обмен ресурсов с периферией, т.е. их перераспределение в свою пользу. Но с другой стороны, центр был вынужден проводить системную модернизацию периферии как условие подобного неэквивалентного обмена [1].

Имперская военно-бюрократическая элита оказывалась в состоянии подчинить и эксплуатировать периферию, только если могла предложить принципиально новые, рациональные и эффективные технологии использования ресурсов периферийных регионов и если обеспечивала достаточно вы-

сокий уровень стабильности и правопорядка в этих регионах. Имперская экспансия, основанная исключительно на примитивном грабеже завоеванных народов, как, например, действия Э. Кортеса в Мексике или Р. Клайва в Бенгалии, были краткосрочными эпизодами, но ни в коем случае не долгосрочной имперской политикой европейских держав.

Французский социолог Р. Арон определяет сущность имперской экспансионистской политики как «дипломатически-стратегическое поведение политического сообщества, которое создает империю, т.е. подчиняет своим законам другие народы». В основе имперской политики лежит имперская идея, т.е. совокупность представлений доминирующего народа о наиболее эффективном способе организации государства, экономики, политической и социальной сфер. Подобная идеология становится ядром и своеобразным генотипом имперской культуры как комплекса материальных и духовных, абстрактно-когнитивных и конкретно-эмоциональных элементов, идей и образов, ориентированных на захват новых территорий и ресурсов. «Связь между духом торговли и авантюризмом, между любопытством и жадностью, выгодой обмена и захватом добычи, между монополией фирм и политическим суверенитетом была на поверхности явлений» [2, с. 320–321].

Сложность и многозначность процессов формирования и функционирования империй делала неочевидной и зачастую проблематичной материальную выгодность экспансии и территориальных захватов. Как в архаичных восточных, так и в современных европейских империях экспансия сопровождалась постоянными конфликтами и войнами с соперниками, высокими затратами человеческих и материальных ресурсов, но далеко не всегда давала адекватные выгоды и приобретения. Поэтому имперская экспансия была возможна только при высокой степени внутренней консолидации доминирующего народа, «строителя империи». В свою очередь, эта консолидация обеспечивалась только при наличии эффективной идеологии, связанной с общепринятой системой ценностей. Таким образом, империи могли сохраняться и развиваться только в качестве идеократий, т.е. государств с особо сильным идеологическим компонентом во внутренней и во внешней политике.

Внутренняя противоречивость имперской идеологии в Великобритании (как в наиболее высокоразвитой империи Нового времени) в конце XIX в. – в апогее ее развития, проявилась в виде противоречия базовых идеологем «процветания благодаря власти» (Дж. Чемберлен) и «бремени белого человека» (Р. Киплинг). Если один из лидеров британских радикалов – Дж. Чемберлен выступал за использование имперских ресурсов для решения социальных проблем метрополии, то классик британской литературы, явно сочувствующий консерваторам, Р. Киплинг считал необходимым выравнивать уровни развития и благосостояния метрополии и колоний [3].

Постоянная динамичность имперской политики, высокая конфликтность отношений с соседями многократно повышают требования к качеству имперской идеологии. В данном контексте мы рассматриваем идеологию как систему взаимосвязанных идей, основанных на исторической традиции определенной социальной, политической или национальной общности, которые формулируются в виде политических программ и теоретических концепций. Основной функцией идеологии является фиксация ориентиров повседневного поведения, которые обеспечивают консолидацию граждан имперского государства.

Идеология в рамках «социологии знания» К. Манхейма является концепцией общественно-политического развития, которую выдвигает определенная политическая группа/партия и которая распространяется либо среди ограниченного круга ее сторонников, либо во всем обществе. В процессе формирования идеологии на основании селекции информации об окружающей действительности ее авторы создают теоретическую концепцию, т.е. систематизируют свои представления об идеальном состоянии и об оптимальных перспективах развития общества и государства. Таким образом, идеология становится формой общественного сознания, которая определяет тип мировосприятия и мироориентации определенной социальной и политической системы (имперского или национального государства, колониального общества и т.д.), становясь основой идентификации индивида и данной общности.

Сформированные элитами идеологические конструкции становятся основами единого и общепринятого понимания смысла логических понятий и художественных образов, помогают вырабатывать единые критерии оценки различных ситуаций. Идеологии формируют и фиксируют конфигурацию, т.е. организуют и обеспечивают действие единого типа интерпретации социально значимой информации [4, с. 56–58].

К. Манхейм полагает, что совместное (групповое) рациональное знание основывается на совокупности совместных подсознательных (иррациональных) переживаний и отражает потребность всех индивидов в систематизации информации, получаемой из внешнего мира. Такая систематизированная информация сначала становится основой рационализации индивидуального поведения, а затем обеспечивает рационализацию социальных отношений. Таким образом, функционирование идеологических конструкций перемещается с уровня обыденного мировосприятия на уровень профессионального государственного управления, политического программирования и правового регулирования [4, с. 8–12, 23–25].

Таким образом, имперскую идеологию можно определить как общепринятую систему ценностных координат, как «образ мира», мотивирующий поведение и ориентации тех индивидов, которые идентифицируют себя с данной империей. Идеологии как империй, так и неимперских государств целенаправленно формируются интеллектуальными элитами в соответствии с восприятием положения данного государства в конкретной внутри- и внешнеполитической ситуации. Критериями эффективности идеологии любого (имперского или неимперского) государства являются адекватность восприятия состояния внешней среды (ситуации), своевременное и точное определение системы национально-государственных интересов и формирование стратегии их реализации.

Эффективность формирования и развития имперской идеологии возможна при условии ее соответствия системе ценностей соответствующего общества. Идеологии и системы ценностей соотносятся как динамичная часть и статичное целое. Если идеологические концепции (паттерны) ориентированы в первую очередь на сферу политического сознания и формируют теоретические программы развития общества и государства, то системы ценностей более «приземлены» и ориентированы на повседневную действительность, стабилизируя модели индивидуального поведения и общественных отношений. Только при включении идеологических паттернов в общественные сис-

темы ценностей динамичность идеологического конструирования не разрушит основы социальной стабильности и солидарности.

Основатель школы «социального действия» Т. Парсонс в своей классической работе «Социальная система» (1951) определяет ценность как элемент разделяемой обществом символической системы культурных эталонов, который служит индивиду в качестве критерия, стандарта при выборе альтернативных ориентаций в поведении. Т. Парсонс, Э. Шилз и Дж. Олдс в коллективной работе «Ценности, мотивы и системы действия» определяют сущность социальной регуляции и мотивации индивидуального поведения как создание системы символических эталонов, норм и ценностей, которые ограничивают возможный выбор видов взаимодействия между индивидами. Ценностная ориентация индивида проявляется, во-первых, в оценке различных элементов окружающей действительности, в наделении их определенным аффективным значением; во-вторых – в определенной степени соблюдения общепринятых норм поведения [5, с. 449, 469].

К. Клакхон и Ф. Стродбек также определяют ценности как ориентиры в выборе индивидами должной, социально одобряемой модели поведения: это «устойчивые во времени обобщенные абстрактные стандарты, определяющие, что является правильным, что должно быть свойственно людям того или иного общества». Авторы считают, что ценности функционируют в форме аффективных (воспринимаемых чувствами) или когнитивных (воспринимаемых разумом) символов, формализующих понятия и представления о желаемом положении дел. Ценности как способы реакции индивидов и групп на определенные ситуации включают в качестве этапов своего функционирования оценку предмета/ситуации по соответствующим критериям и выбор оптимальной поведенческой модели.

К. Клакхон и Ф. Стродбек различают ценности по модальности (позитивные и негативные), по содержанию, по целям и средствам их достижения. Система ценностей формируется бинарными оппозициями индивидуальных одобрений и отрицаний. Среди них базовыми являются оппозиции человека/природы, человека/группы, своих/чужих, нового/старого, эгоизма/альтруизма, закономерности/случайности, единства/множественности, дисциплины/анархии, добра/зла [6, с. 57].

В британской идеологии фундаментальной являлась оппозиция Британии (имперского центра, метрополии) как воплощения позитивных ценностей мира, порядка, справедливости и гуманности и колониальной периферии, воплощавшей негативные антиценности деспотизма, варварства, хаоса, жестокости и несправедливости.

Основными социальными функциями ценностей являются определение стандартов повседневного поведения, позиции индивида или группы по определенным проблемам, осуществление выбора идеологии или религии, самоидентификация личности в общении, в оценке своего и чужого поведения. Системы ценностей и основанные на них религиозные и идеологические конструкции позволяют сравнивать между собой индивидов, социальные группы, национальные государства, население метрополии и колоний, сами колонии и т.д. В свою очередь, такое сравнение позволяет выбрать способы воздействия на другие группы – сотрудничество, принуждение, игнорирование или их комбинации.

Мотивирующая функция инструментальных ценностей реализуется в формировании целесообразных способов поведения, в создании условий для удовлетворения потребностей индивида или группы. Ценности как психические средства сознания рационализируют убеждения и действия, формируют и сохраняют чувства достоинства и самоуважения, позитивной самооценки. Адаптивная функция позволяет подчинять индивидуальные интересы групповым, что обеспечивает выживание и индивидов, и группы. Имперские ценности долга и самопожертвования являются максимально эффективными инструментами выполнения мотивирующей и адаптивной функций в обществе, находящемся в условиях конфронтации и соперничества с соседями.

Эгозащитная функция выражается в интерпретации ценностей для оправдания своих потребностей, убеждений и действий. Важно, что эта защитная функция легко инверсируется, т.е. мгновенно трансформируется в наступательную, обеспечивая интеллектуальное оправдание агрессии, экспансии, насилия, жестокости, обмана с целью использования противоречий среди противников. Эгозащитная функция позволяет различать социальные и моральные (религиозные, общечеловеческие) ценности, т.к. последним она, естественно, не свойственна.

Групповые (в том числе национальные и имперские) ценности являются основой и критерием формирования индивидуальных ценностей. Их гармония создает у индивида ощущение психического комфорта, а у группы – стабильность существования. Обратная ситуация ценностного конфликта и дисгармонии ведет к противоположным следствиям, к психическим стрессам, к дезориентации в принятии решений, к росту внутригрупповой напряженности и конфликтности. Такие кризисные ситуации неизбежны в силу естественной динамичности любой системы ценностей.

М. Вильямс предлагает следующую типологию функциональных изменений ценностей:

- а) креация – это формирование новых ценностей на основании получения новой информации об окружающем мире;
- б) деструкция – это прекращение использования определенных ценностей из-за их «устаревания» в изменяющемся обществе;
- в) аттенуация – это сокращение интенсивности использования, степени приверженности, масштаба распространения ценности в группе;
- г) элаборация – это рационализация как повышение уровня символизации и семантической содержательности;
- д) спецификация – это конкретизация сферы деятельности;
- е) лимитация – это ограничение сферы применимости через параллельное использование других ценностей;
- ж) экспликация – это переход ценностей из латентной в манифестируемую и детализированную форму идеологии;
- з) согласование – это разрешение конфликта через установление приоритетов в системе ценностей;
- и) интенсификация – это абсолютизация и выдвижение какой-либо ценности в качестве центральной, жизненно важной ориентации [6, с. 71–72].

В процессе формирования имперская идеология должна коррелировать с данными динамичными процессами трансформации системы ценностей. Это является условием жизнеспособности идеологических конструкций, ко-

торая проявляется в способности оказывать ощутимое влияние на общественные процессы.

Д. А. Леонтьев предлагает для исследования ценностей метод многомерной реконструкции, разлагая предмет исследования на различные оппозиции: лингвистическую – на объект и атрибут; на оппозиции конкретных предметов и абстрактных сущностей, эталона (неподвижная цель) и идеала (отдаляющаяся цель). В исследовании имперской культуры наиболее плодотворно использование оппозиции ценностей индивидуальной и коллективистской реальностей, причем последняя выступает как социологическая категория или объективная трансцендентная сущность с субъективно-психологическими коррелятами мотива, потребности и интереса.

Д. А. Леонтьев считает, что единство системы ценностей является предпосылкой формирования общественного идеала – обобщенного представления о наиболее совершенном устройстве различных сфер общественной жизни и деятельности. Такие ценностные идеалы в идеологической форме консолидируют и ориентируют общество и государство, обеспечивают появление неформальных групп и эффективное функционирование формальных групп. Материальным воплощением ценностного идеала является совокупность процессов (деяний) и их продуктов – произведений материальной и духовной культуры [7].

Это допускает операцию онтологизации природы империи как индивидуальной ценности, превращение ее в императив должностования, в абсолютную ценность, не подчиненную детерминизму материального мира, не подлежащую научному, т.е. критическому анализу. Именно поэтому все британские идеологи выступали за сохранение Британской империи независимо от наличия для этого необходимых предпосылок и условий. Служба империи провозглашалась долгом каждого британца, который было необходимо выполнить, чего бы это ни стоило.

В. В. Грудзинский реконструирует поздневикторианский комплекс имперских ценностей по работам Ф. Н. Брэдли («Этические этюды», 1876) и А. Милнера («Нация и империя», 1913). Вместо абстрактного либерального идеала всеобщего блага, вместо утилитаризма и гедонизма, ослабляющего тело и дух, разрушающего волю к борьбе, империалисты предложили идеал служения имперскому государству, основанный на чувстве долга, отделенный от конъюнктуры момента. Имперский идеал личности основывается на стремлении к высшей цели, на готовности к подвигу и жертве, независимо от материальных выгод и инстинкта самосохранения. Личность в империи является не «атомом», а «членом» единой совокупности социальных институтов метрополии и колоний.

«Высшая мудрость» имперского служения противопоставляется «здравому смыслу» мещанского прозябания. Долг превращается из абстрактного устремления в конкретную ответственность индивида. Если либеральная ответственность является средством утверждения эгоистического индивидуального начала, то имперская ответственность является способом сотрудничества индивидов в «органичном» обществе, основанном на чувстве личной сопричастности ко всему происходящему. Имперская ответственность индивида не абстрактна, а конкретна, т.е. зависит от места и функции личности в обществе и государстве и меняется в соответствии с изменением ситуации [8, с. 37–40].

При этом необходимо учитывать, что в процессе создания имперского государства автоматически возникает конфронтация имперского (доминирующего) и колониального (подчиненного) национализма. Этот феномен А. Р. Аклаев определяет как «совокупность взаимосвязанных идеологий и политических практик, так или иначе ссылающихся на приоритет нации перед другими формами организации жизни» [9, с. 20].

Для британской имперской идеологии характерен «гегемонистский контроль» подчиненных этнических групп колоний. Аристократизм лордов-норманнов, основанный на идее естественного, изначального и вечного превосходства над завоеванным англосаксонским и кельтским населением, при формировании империи трансформировался в идею англосаксонского расового превосходства над всем остальным человечеством. Буржуа превратилась в аристократию «набобов», заняв места в колониальной администрации. Исходя из этого, в британском интеллектуальном дискурсе становятся просто невозможными дискуссии об изменении характера и целей управления колониями, если это угрожает целостности и мировой гегемонии империи. Ограничение прав колониальных этносов оправдывается необходимостью предотвращения «варварства», хаоса и насилия.

Этнокультурная идентичность различных обществ оформляется в виде конфигурации символических образов соответствующих ценностей через осознание индивидами различия «мы» и «они», «своих» и «чужих», как источников добра и зла, внутренних и внешних культурных феноменов. В имперской структуре идентичностей С. В. Лурье вслед за И. Нойманом различает «образ себя» и «образ врага». «Образ себя», в свою очередь, делится на бессознательный «образ в себе», определяющий ритм индивидуальных действий; «образ для себя», включающий символику с коммуникативным значением в рамках определенной культуры; и «образ для других», в котором идентификационные характеристики этой культуры переводятся на языки других культур для осуществления коммуникаций с внешним миром [10, 11].

«Образ себя» как смысловое ядро имперской культуры поздневикторианской Великобритании выражается в виде «сообщества белых людей» или «империи аристократов» с генетическим превосходством над другими сообществами. Идея англосаксонского культурного превосходства реализовывалась в экспансии, энергетически питалась идеей служения божественной воле и оправдывалась долгом распространения в мире искусства свободного самоуправления [11, с. 301–302].

Г. Уатт, секретарь лондонского общества лекторов по проблемам имперской истории им. Дж. Сили, определил систему британских имперских ценностей как «этику империи». Он не сомневается в моральной правоте британских «строителей империи», которые захватывали территории на всех континентах. Подобно тому как любой человек имеет естественное право на жилье и одежду, любая нация имеет естественное право на территорию. В ходе формирования у всех наций рождается «чувство национальной индивидуальности, происходящей от характера», а также «чувство национальной собственности на почву, на которой они обитают». Такое право не может быть естественным и вечным, т.к. оно не может опираться на право длительного исторического обладания или на моральные аргументы. «Каждая нация Европы мечом пришла к обладанию территорией, которую удерживает и... мечом готова защищать то, что провозгласила своим». В отличие от индиви-

да, имперское государство не может позволить себе «дорогостоящей роскоши альтруизма» и отказаться от права защищать свои интересы вооруженной силой [12, с. 520, 528].

«Этика империи» как система ценностей максимально ярко проявляется во взаимоотношениях британцев и народов Востока. В Азии и Африке «строители империи» столкнулись с варварской жестокостью постоянных междоусобных войн, с «кровопролитием и бессчетным варварством, с неопишмым позором, который превалирует под восточным правлением». «Имперские обязательства» британского народа заключаются в распространении по всему земному шару ценностей «свободы, справедливости, духа гуманности, представительских институтов». Так, право британского завоевания Индии основывается на «более сильном и энергичном темпераменте», на праве высшей расы установить порядок и прекратить хаос, подчинив местные низшие расы. «Нации, которые используют, но не злоупотребляют своими возможностями, растут сильными и ведут экспансию; те, кто игнорирует их, становятся подчиненными. Это закон Вселенной, и мы не можем изменить его». Власть высшей расы становится предпосылкой помощи «всем расам и народам, слабым и угнетенным» [12, с. 523, 526–528].

Имперские идеологии и соответствующие им комплексы ценностей не следует считать полностью устаревшими и нежизнеспособными в эпоху глобализации и информационных технологий. Вряд ли нужно доказывать высокую степень консервативности индивидуального сознания, его подсознательное стремление блокировать любые новации и избежать кардинальной ломки повседневной действительности. Такой же психологической константой является стремление человека к эмоционально насыщенным и привлекательным символам как к элементам стабильности в неустойчивом и опасном мире. В таких ситуациях имперские идеологические конструкции и ценности, эстетически оформленные символически «орлов и знамен», насыщенные позитивным этическим смыслом, могут выступать эффективным средством социальной консолидации и стабилизации, не вызывая сопутствующих настроений ксенофобии и экстремизма.

Список литературы

1. **Motyl, A. J.** Imperial Ends: The Decay, Collapse and Revival of Empires / A. J. Motyl. – N.Y. : Columbia University Press, 2001. – 215 p.
2. **Арон, Р.** Мир и война между народами / Р.Арон. – М. : Академический проект, 2000. – 858 с.
3. **Barker, E.** The ideas and Ideals of the British Empire / E. Barker. – Cambridge : Cambridge University Press, 1951. – 178 p.
4. **Манхейм, К.** Идеология и утопия / К. Манхейм // Диагноз нашего времени. – М. : Юрист, 1994. – С. 7–276.
5. **Парсонс, Т.** О структуре социального действия / Т. Парсонс. – М. : Академический проект, 2000. – 800 с.
6. **Акляев, А. Р.** Проблема ценностей в зарубежных социологических теориях / А. Р. Акляев // Ценности и символы национального сознания в условиях изменяющегося общества. – М. : Наука, 1994. – С. 55–75.
7. **Леонтьев, Д. А.** Ценность, как междисциплинарное понятие: опыт многомерной реконструкции / Д. А. Леонтьев // Вопросы философии. – 1996. – № 4. – С. 52–61.

8. **Грудзинский, В. В.** На повороте судьбы. Великая Британия и имперский федерализм (последняя треть XIX – первая четверть XX вв.) / В. В. Грудзинский. – Челябинск : Изд-во Челяб. ун-та, 1996. – 298 с.
9. **Аклаев, А. Р.** Демократизация и посттоталитарный национализм: проблемы, споры, подходы / А. Р. Аклаев // Дробижева Л. М. Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х гг. – М. : Наука, 1996. – С. 8–44.
10. **Нойман, И.** Использование Другого: образы Востока в формировании европейской идентичности / И. Нойман. – М. : Наука, 2004. – 216 с.
11. **Лурье, С. В.** Историческая этнология / С. В. Лурье. – М. : Аспект Пресс, 1997. – 448 с.
12. **Wyatt, H.** The Ethics of Empire / H. Wyatt // The Nineteenth Century. – 1897. – № 242. – April. – P. 516–530.

Богомолов Сергей Александрович

кандидат исторических наук, доцент,
кафедра теории и истории государства
и права, Ульяновский государственный
университет

E-mail: Bogomolov_SA@mail.ru

Bogomolov Sergey Alexandrovich

Candidate of historical sciences, associate
professor, sub-department of history
and theory of the state and law,
Ulyanovsk State University

УДК 32:93/94

Богомолов, С. А.

Имперская идеология как система ценностей / С. А. Богомолов // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2009. – № 4 (12). – С. 37–45.